

/

Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 7 (49). Ч. 1. – Тамбов: Грамота, 2015. – С. 53 – 56.

УДК 811.1

В статье раскрываются особенности становления антропонимической формулы на полиэтничной территории Великого княжества Литовского. На материале деловой письменности XV – XVIII вв. выявляются типы антропонимических формул, формирующиеся под влиянием лингвистических и экстралингвистических факторов. Уделяется внимание расширенным антропонимическим формулам как сложным социокультурным знакам, отражающим особенности организации общества и духовной культуры жителей полиэтнической территории.

Ключевые слова и фразы: антропоним; расширенная антропонимическая формула; социальный статус лица; апеллятивные конкретизаторы.

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ АНТРОПОНИМИЧЕСКОЙ ФОРМУЛЫ НА ПОЛИЭТНИЧНОЙ ТЕРРИТОРИИ

Становление антропонимической формулы, ее структура, компонентный состав рассматривались на материале различных языков в трудах Н.В.Бирилло, С.И.Зинина, С.М.Медведь, И.А.Королевой, Е.В.Литус, С.Н. Смольникова и др. Вместе с тем особенности становления формулы именованя на полиэтничной территории изучены еще недостаточно. Это относится и к исторической онимии белорусского ареала, который в XIII – XVIII вв. входил в состав Великого княжества Литовского (ВКЛ), населенного разными народами и этническими группами. Взаимодействие многих языков, этнических групп на территории одной страны, сложная сословная дифференциация социума находит отражение и в способах идентификации лица.

Цель статьи – исследование особенностей формирования антропонимической формулы белорусского ареала с учетом действия лингвистических и экстралингвистических факторов. Особое внимание уделяется развернутым формулам, представляющим собой «полное описательное именоване лица,

реализующее максимальную его идентификацию с учетом социальной принадлежности именованного и конкретной исторической эпохи» [10, с. 36].

Материалом для исследования послужили памятники разных жанров официально-деловой письменности Великого княжества Литовского XV – XVII вв., а также метрические книги XVII – XVIII вв.

Формула именованного лица является сложным социокультурным знаком, формирование которого проходило во многом под влиянием этноязыковых и социально-экономических процессов. С середины XV в. в ВКЛ начинается процесс дифференциации сословий, окончательное оформление которого приходится на XVI в. [7, с. 114].

В расширенных антропонимических формулах выявляется социальный статус лица – «соотносительное положение человека в социальной системе, включающее права и обязанности и вытекающие отсюда взаимные ожидания поведения» [9, с. 3]. Индикация социального статуса отражена в формулах именованного лица на структурном, лексическом, словообразовательном и грамматическом уровнях.

На структурном уровне социальная дифференциация именованных выявляется в количественном составе компонентов антропонимической формулы. В грамотах XV в. однолексемные антропонимы (личные имена или прозвища), антропонимы и апеллятивные конкретизаторы чаще всего употребляются по отношению к следующим социальным и этническим группам: 1) мещанам: *мещанину виленскому Санчелью* [12, с. 51]; 2) духовенству: *Павлу, дьяку* [11, с. 23]; 3) слугам: *Мякало человек служебным, путным* [11, с. 31]; 4) членам семьи, сыновьям, братьям: *сыну его Федку* [12, с. 48]; 5) иноверцам: *жиду троцкому Моисею* [12, с. 86]; *татарину Азызку* [12, с. 65]. Патронимом в форме Pluralia tantum назывались представители одной семьи: *Хребтовичомъ всимъ; два Добаревича* [11, с. 55].

В отличие от данных групп населения представители высших социальных слоев при повторном упоминании в грамотах идентифицировались с помощью фамилий: *Сопега; Нарбуту* [11, с. 21] и составных наименований: *князю Сонькгуику; пану Завиши* [11, с. 19; 67]; *дворанина ...Жабу* [12, с. 136].

/

Продуктивные до XV в. именованья одним антропонимом в XVI– XVII вв. сменяются структурами с двумя антропонимами. Наиболее частотной в памятниках XV – начала XVI вв. являются двучленные структуры **имя + патроним (фамилия)** с суффиксами **-ич, -ович/-евич, -инич**, связанные с восточнославянской традицией именованья. Данный способ идентификации не имел социальных, этнических и территориальных ограничений, что обеспечивало его высокую продуктивность в белорусском ареале. Указанные форманты участвовали также в образовании фамилий литовского, татарского, еврейского происхождения: *Довбор Товтвоишович; Магмет Обдулич* [18, с. 76; 104]; *жид Городенский Мошко Докторович* [3, с. 20].

Важным компонентом в формулах именованья является топоним или оттопонимное образование, выраженное прилагательным. Адъектив, образованный от топонима, стоящий в препозиции, обычно обозначал место проживания или правления именуемого: *наместник волковыиский, пан Ивашко Ильинич* [11, с. 24]; *воевода троцкий, пан Радивил* [12, с. 24]. Более ранними являются аналитические структуры: *чоловек господарский з Горлиць Хотен Лазарович* [2, с. 43].

Антропонимические формулы **имя + оттопонимное обозначение** составляют неоднородную с точки зрения социальных коннотаций группу. Фамилии с суффиксом **-ский** были типичными для князей и богатой шляхты, в то время как наименования на **-ец, -ин** – для представителей низших социальных слоев: *пану Ивашку Рогатинскому* [11, с. 43]; *подданного господарьского Городенского Богдана Заполяница* [2, с. 359]; *Васку Бряницу* [11, с. 36].

После Люблинской унии 1569 г. усиливается полонизация белорусских, литовских, немецких, татарских элит, что отражено в возрастании формул **имя + фамилия** с формантом **-ский/-цкий**. При этом фамилии на **-ский/-цкий** под влиянием моды на польские именованья образовывались не только от топонимов, но и на базе антропонимов и апеллятивов: *pan Abraham Smolski* [1, с. 424] < Исмаил: Измаил; *pan Józef Jotkowski* [1, с. 421], ср. лит. *Juodaitis, Juodėlis* < *juodas* ‘черный’; *Ян Шванский*, ср. нем. *Schwan* ‘лебедь’ [4, с. 458].

Наименования на **-ский** отмечены также в особой группе двойных фамилий,

которые просуществовали вплоть до XX века. Их продуктивность приходится на XVII – XVIII вв., когда «удлиненные» фамилии под влиянием польской культуры приобретают коннотации ‘достоинее’, ‘древнее’, ‘престижнее’ [20, s.74]; ср. в метриках: *Констанція урожденная изъ Волосовскихъ Святополкъ-Мирска* [15, с. 28]; *дворянки Юлии Базылевны Гинтовъ-Дзевялтовской* [16, с. 35].

Отмечаются двучленные формулы: **имя + прозвище**: *Федор Кошка*; **имя + имя**: *Петром Мицуютою < Миц: Дмитрий* [3, с. 27]. Особую группу составляют фамилии, образованные от геральдических названий, которые также являлись символом социального статуса: *Миколаи Шчит*; *Ян Сокерка* [2, с. 54; 338].

На лексическом уровне социальная дифференциация лиц осуществлялась с помощью апеллятивных конкретизаторов – наследственным титулов: *князь Юри Гольшаньский* [11, с. 21]. Для представителей привилегированного сословия в грамотах XV в. самым продуктивным типом именования является структура: **пан + имя + фамилия (патроним)**: *пан Андреи Сакоречи* [11, с. 22-23].

В силу того что в XVI – XVII вв. двухлексемные формулы охватывают практически все социальные группы, трехчленные формулы **пан + имя+патроним + фамилия** становятся идентификатором социального статуса среди белорусской шляхты: *пан Мля Иванович Илнич* [11, с. 86]; *пан Василеи Богданович Чиж* [18, с. 50]. Использование трехчленных моделей связано также с омонимией патронимов и фамилий на -ович/-евич/-ич, что затрудняло идентификацию. Спорадически употреблялись четырехчленные структуры: **имя+имя+ патроним +фамилия**: *пан Ян Литавор Богданович Хребтовича* [11, с. 70]; **имя + патроним + патроним + фамилия**: *Гринаша Гринковича Яцковича Кочановича... отец его Гринашко Яцкевич Кочан* [2, с. 216].

Показателем принадлежности к шляхетскому сословию была служба с земли, в силу чего с 1529 г. в качестве синонима к термину *шляхта* получает распространение лексема *земяне* (из польск. *ziemia* – ‘земля’) – «землевладельцы»: *земенином господарским Городенским Щастным Еесимонтовичом*; *дворяне* – шляхтичи, которые служили при дворе великого князя или короля: *дворанинь господарьский панъ Дмитръ Яновичъ Сопежичъ* [3, с. 57; 371].

/

После введения в 1697 г. в делопроизводство польского языка употребление термина *шляхта* в документах возрастает. В метрических книгах XVII–XVIII вв., фиксирующих представителей католического вероисповедания, употребляются польские лексемы: *szlachta, szlachetni*; латинские: *Nobiles: Antoni Ginttowt Nobilem* [17, s. 52]; *Michal Steckiewicz Barbara Eysymontow szlachta* [21, s. 7].

Для обозначения жителей городов использовались номинации *мещане*; в метрических книгах на латинском языке – термин *civis*: *мещане ковенские Кэрикэ Довкгиник, а Матей Дворчанин* [3, с. 2]. Именования крестьян и горожан в XV – XVI вв. содержат обычно в препозиции аппеллятивы, указывающие на профессию, род занятий именуемого: *шндельник господарьский Чиж Юшкевич; колесник кролевой ее милости Микула Пацутич; дегтяра Мокея Глебовича* [2, с. 5; 93].

Более поздней моделью является формула с инициальной позицией имени собственного и последующими характеризующими аппеллятивами: *Петр Чешейко – войт а Матыс Пеский – бурмистр места Городецкого* [2, с. 7].

На грамматическом уровне низкий социальный статус выражен с помощью наименований с инверсионным порядком компонентов, при котором в начале структуры стояло имя феодала в родительном падеже, а в конце – имя лица, не обладающего юридическими правами: *служебника пана Иванова Богдановича Воловича Лукаша* [2, с. 26]; *титул пана Быстрыцкого Шимко Жвиркович* [3, с. 94].

На уровне словообразования выражением социального статуса с середины XVI до начала XVII в. служат эмоционально-оценочные формы личных имен, с помощью которых в актах деловой письменности идентифицируются все слои населения, кроме шляхты: *Станчик сотник; бояре господарьские Мисюта а Еско а Ивашко Радивиловичи служебника своего Сташка Болтроевича; мещанина Мишка Оношковича* [2, с. 1; 13; 27; 78]. Употребление эмоционально-оценочных форм имен по отношению к боярам объясняется, вероятно, тем, что во второй половине XVI в. большая их часть вошла в шляхетское сословие, а те, кто не подтвердил право на землю, приписывались к людям «простого положения», ср.: *слуги и бояре их милости на име: Станислав Бията, Пронко Рекуть, Данило Мотер, Кондрат Лебеденко* [5, с. 29].

/

Татарские и еврейские антропнимы адаптировались также путем присоединения славянских (реже балтийских) эмоционально-оценочных суффиксов: *татарина Алька Адамовича; жиды Мошка Хорошенького* [2, с. 9; 64].

Вместе с тем щитные, панцирные слуги могли замещать полноправного шляхтича на военной службе, что повышало их статус и выражалось в преобладании полных официальных форм имен у простолюдинов: *ставил служебника своего на имя Станислава; ставила слугу Андрея* [13, с. 684; 691].

Особый статус женщины в ВКЛ был детерминирован полом, социальным происхождением, местом в семье, а также семейным положением. Женщина была ограничена в социально-правовом отношении, что находит отражение в формулах именования, содержащих в своем составе патронимы с формантами *-овна/-евна, -инна, -енна, -анка/-янка*; а у замужних женщин – антропнимы с суффиксами *-овая/евая, -иная, -ская/-цкая*: *боярыня господарьская Кгоколевская; наймитку ...Андрейкову Марюху; пани Олена Венслаеова Лвкгуштыновая* [2, с. 357; 375; 443]; *Кахны Дудчанки; Оксимья Степановна Тишинна* [3, с. 269; 283]. Наименования представительниц татарских, еврейских родов отражают влияние славянской антропонимической системы: *Мустафиня, татарка; жидовка Городенская Добруша Мархаевича* [2, с. 9; 22].

Индикатором низкого социального статуса выступают наименования, в которых антропнимы отсутствуют. Данные структуры употреблялись для обозначения слуг, женщин, детей и представителей некоторых этносов: *наместника пана Миколаева Кунцевича на цигана; свесть свою Величковую* [2, с. 41; 189]; *Барбара Богданова вдова выслала сына своего, лет недорослого детину; з Седелник в повете Волковысском слуга на мерине* [13, с. 684; 695].

Таким образом, в памятниках ВКЛ XV – XVIII вв. употреблялись в разной степени разветвленные структуры. Расширенные формулы именования выполняли не только функцию идентификации лица, но и отражали особенности организации общества, социальный статус человека, иерархию ценностей наших предков. На становление антропонимической формулы на полиэтничной

/

территории оказывало влияние взаимодействие антропонимических систем разных языков.

Список литературы

1. **Акты, издаваемые Археографическою Виленскою комиссией** для разбора древних актов: в 39 т. Вильна: Тип. А.К.Киркора, 1865 – 1915. Т.VII, 1874. 614 с.
2. **Акты, издаваемые Археографическою Виленскою комиссией** для разбора древних актов: в 39 т. Вильна: Тип. А.К.Киркора, 1865 – 1915. Т. XVII. 1890. 560 с.
3. **Акты, издаваемые Археографическою Виленскою комиссией** для разбора древних актов: в 39 т. Вильна: Тип. А.К.Киркора, 1865 – 1915. Т.XXI. 1894. 418 с.
4. **Акты, издаваемые Археографическою Виленскою комиссией** для разбора древних актов: в 39 т. Вильна: Тип. А.К.Киркора, 1865 – 1915. Т. XXII. 1895. 471 с.
5. **Акты, издаваемые Археографическою Виленскою комиссией** для разбора древних актов: в 39 т. Вильна: Тип. А.К.Киркора, 1865 – 1915. Т. XXXVI. 1910. 624 с.
6. **Бирилло Н.В.** Белорусская антропонимия: автореф. дисс... д-ра филол. наук. Минск, 1969. 47 с.
7. **Довнар-Запольский М.В.** История Белоруссии. Минск: Беларусь, 2005. 680 с.
8. **Зинин С.И.** Структура русских антропонимов XVIII в. (на материале актовых книг г. Москвы) // Ономастика: сб. статей. М.: Наука, 1969. С. 79-83.
9. **Карасик В. И.** Язык социального статуса. М.: Ин-т языкознания РАН; Волгогр. пед. ин-т, 1991. 495 с.
10. **Королева И.А.** Деловая письменность как основной источник изучения антропонимической лексики (становление современной формулы фамилия, имя, отчество). Москва – Смоленск: СГПУ, 2000. 158 с.

/

11. **Литовская метрика** / Ин-т истории Литвы. Вильнюс, 1998. Кн. 3 (1440 – 1498) / подгот. Э.Банионис. 162 с.
12. **Литовская метрика** / Ин-т истории Литвы. Вильнюс, 2004. Кн. 4 (1479 – 1491) / подгот. Э.Банионис. 285 с.
13. **Литовская Метрика**: отд. первый. / Императ. археогр. комисс. Петроград, 1915. Ч. 3. 1378 с. (Русская историческая библиотека, т. XXXIII).
14. **Литус Е.В.** Специфические особенности антропонимической формулы в русско- и украиноязычных песнях казаков Кубани // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 9. С. 66-70.
15. **Медвідь С.М.** Еволюція антропонімних формул у слов'янських мовах. автореф. дис. докт. філол. наук. Київ, 2000. 40 с.
16. **Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ)**. Ф. 1781. Оп. 37.
17. **НИАБ**. Ф. 1781. Оп. 26.
18. **Перапіс войска Вялікага княства Літоўскага 1528 года** /падрыхт. А.І.Груша, М.Ф.Спірыдонаў, М. А.Байговіч; Мінск: Бел. навука, 2003. 444 с.
19. **Смольников С.Н.** Функциональные аспекты исторической антропонимики (на материале деловой письменности Русского Севера XVI – XVII вв.): дисс. ... к. филол. н. СПб: СПбГУ, 2005. 426 с.
20. **Bystroń J.S.** Nazwiska polskie, Lwów; wyd. 2 uzupełnione. Lwów 1936, reprint Warszawa, 1993. 300 s.
21. **Lietuvos Vals tybės Istorijos Archyvas**. F. 604. Оп. 10.